

Царевна-лягушка

Основано на издании 1917 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/tsarevna_lyagushka/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Царевна-лягушка

Жил-был на свете царь, и были у него три сына: старший Степан, средний Василий да младший Иван. Все братья собою статны, да и удали молодецкой им не занимать – достойные наследники! Вот пришла пора сыновей женить. Позвал их царь и говорит:

— Дети мои милые, пришло время вам жён себе выбирать. Возьмите-ка тугие луки да пустите быстрые стрелы в разные стороны. На чей двор стрелы ваши упадут, туда и отправляйтесь свататься.

Вышли братья в чистое поле, натянули тугие луки. Сначала стрелу Степан запустил – упала она в княжеский двор. Потом пришёл черёд Василия – долетела его стрела до боярского двора. А Иванова стрела угодила в болото, где жила лягушка-квакушка. Загнул младший сын.

— Как я с лягушкой стану жить? – думает.

Поделился с отцом своей печалью, а тот его успокаивает:

— Знать, судьба твоя, сынок, такая. Ничего не поделаешь, придётся лягушку в жёны брать.

Отправились братья каждый к своей невесте свататься. С радостью согласились князь да боярин своих дочерей за царских сыновей замуж отдать. А Ивану-царевичу и свататься не пришлось – не у кого на болоте было благословения просить. Подарил царь каждому сыну по дому, разъехались молодые семьи по своим гнёздышкам. Много ли, мало ли времени прошло, только захотел царь узнать, какая из его невесток самая лучшая хозяйка. Позвал он к себе сыновей и приказывает:

— Пусть ваши жёны испекут мне к завтрашнему дню по белому хлебу.

Идёт младший брат домой невесел, ниже плеч буйную голову повесил. Встречает его на крыльце лягушка-квакушка и спрашивает:

— Ква-ква, чем ты так, муж мой любимый, опечален? Или горе какое приключилось?

— Да как же мне печалиться? Приказал тебе мой батюшка к завтрашнему дню белый хлеб испечь, – отвечает Иван-царевич.

— Ну, это беда небольшая. Ложись-ка ты лучше спать, утро вечера мудренее!

Только муж уснул, как лягушка-квакушка о землю ударилась, сбросила с себя кожу лягушачью да обернулась красной девицей Василисой Прекрасной. Вышла она на крыльцо и закричала:

— Слуги мои верные! Приготовьте мне на завтра хлеб белый, да такой вкусный, какого я и у батюшки родного не ела!

Проснулся Иван-царевич наутро, а на столе уж хлеб лежит: тёплый, мягкий, с ру-

мяной корочкой. Взял он его да во дворец понёс. А старшие братья уж тут как тут: стоят на крыльце, отца дожидаются. Протянул свой хлеб Степан, отломил царь кусочек, попробовал да велел отнести всю краюху на кухню. Потом попробовал государь тот хлеб, что Василий принёс, и тоже велел его на кухню отнести. А как от Иванова хлеба кусочек откусил, сразу заулыбался.

— Вот этот хлеб – всем хлебам хлеб! Подайте мне его на царский стол, сам есть буду!

На следующий день снова отец сыновей позвал и отдал им новый приказ:

— Пусть ваши жёны соткут мне за одну ночь по ковру шёлковому. Хочу знать, которая из них лучшая мастерица.

Идёт Иван-царевич домой невесел, ниже плеч буйную голову повесил. Встречает его на крыльце лягушка-квакушка и спрашивает:

— Ква-ква, чем ты так, муж мой любимый, опечален? Или услышал от царя слово какое неласковое?

— Да как же мне печалиться? Приказал тебе мой батюшка к завтрашнему ковёр шёлковый соткать, – отвечает Иван-царевич.

— Ну, эта беда – не беда. Ложись-ка ты лучше спать, утро вечера мудренее!

Только муж уснул, как лягушка-квакушка о землю ударилась, сбросила с себя кожу лягушачью да обернулась красной девицей Василисой Прекрасной. Вышла она на крыльцо и закричала:

— Слуги мои верные! Сотките мне к завтрашнему дню ковёр шёлковый, да такой красивый, какого я и у батюшки родного не видела!

Проснулся Иван наутро, а перед ним уж ковёр шёлковый лежит, да такой расчудесный, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Взял он его и во дворец понёс. А старшие братья уж давно на крыльце царском стоят, батюшку дожидаются. Взял царь ковёр, что старшая невестка соткала, рассмотрел внимательно и говорит слугам:

— Отнесите этот половик на заднее крыльцо, пусть челядь об него ноги вытирает.

Потом взял отец ковёр у среднего сына, поглядел на него и велел туда же отнести. Наконец, дошла очередь до Ивана-царевича. Развернул царь ковёр, что младший сын принёс, смотрит – насмотреться не может.

— Отнесите этот ковёр в палаты царские, да повесьте на стену – сам буду им любоваться, – приказал государь.

На следующий день снова отец сыновей позвал и отдал им новый приказ:

— Хочу теперь я на ваших жён поглядеть. Приезжайте завтра вместе с ними ко мне на пир.

Идёт Иван-царевич домой невесел, ниже плеч буйную голову повесил. Встречает

его на крыльце лягушка-квакушка и спрашивает:

— Ква-ква, чем ты так, муж мой любимый, опечален? Или беда какая случилась?

— Да как же мне печалиться? Велел государь-батюшка, чтобы все сыновья завтра к нему на пир вместе с жёнами своими приезжали. Я-то к тебе привык уже. А как мне лягушку-квакушку людям честным показать? Засмеют же!

— Не горюй, свет мой ясный! Ложись-ка спать, утро вечера мудренее. А завтра один к царю на пир отправляйся, я позже прибуду. Как услышишь стук да гром, скажи гостям: «Вот моя лягушонка в коробчёнке едет!»

На следующий день пришли Степан да Василий во дворец вместе с жёнами. И княжна, и боярыня в шелка да бархат одеты, щёчки румяные, губки алые, бровки соболиные – красавицы, да и только! А Иван-царевич один явился. Смеются над ним старшие братья:

— Ну и где же жена твоя? Может, в кармане у тебя сидит? И где же ты её нашёл? Чай, все болота исходил?

Вдруг раздался такой стук да гром, что весь дворец задрожал. Перепугались гости, а Иван-царевич и говорит:

— Не бойтесь, люди добрые. Это моя лягушонка в коробчёнке едет!

Остановилась у царского дворца золочёная карета шестью лошадьми запряженная. Открыли лакеи дверцы, и вышла из неё Василиса Прекрасная. Взял младший сын жену свою за руку да в палаты царские повёл. Смотрят гости на девицу-красавицу – налюбоваться не могут. Потом сели все за стол: едят, пьют да веселятся. А Василиса Прекрасная как отопьёт из стакана – остатки себе в левый рукав сольёт, как поест из тарелки – косточки в правый рукав себе положит. Увидели это княжна с боярыней, и давай сами так же делать. Тут заиграла музыка, пустились гости в пляс. Взял Иван-царевич жену свою за руку и тоже в круг повёл. Закружилась Василиса Прекрасная в танце, а потом махнула левой рукой – посреди зала озеро глубокое образовалось, взмахнула правой рукой – поплыли по озеру белые лебеди. Потом вышли княжна да боярыня плясать. Махнули они левыми руками – всех гостей забрызгали, махнули правыми – кости во все стороны разлетелись. Рассердился царь и прогнал их из дворца с позором.

А Иван-царевич тем временем улучшил минутку да домой побежал. Отыскал лягушачью шкуру и сжёл её. Вернулась жена его, глядь, а шкурка в печи догорает. Заплакала она горькими слезами:

— Что же ты наделал, муж мой любимый? Если бы подождал немножко, была бы я навечно твоей, а теперь прощай!

Ударилась Василиса Прекрасная о землю, обернулась белым лебедем и прочь улетела. Долго горевал Иван-царевич, да слезами горю не поможешь. Отправился он же-

ну свою искать. Долго ли шёл, коротко ли, пока не повстречал на дороге старичка седенького.

— Здравствуй, дедушка, – говорит ему царский сын.

— Здравствуй, добрый молодец, – отвечает старичок. – Куда путь-дорогу держишь? Рассказал ему Иван-царевич о своем горе.

— Ох, плохо ты сделал! Зачем же ты кожу лягушачью сжёг? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Прекрасная умнее своего отца уродилась, рассердился он на неё за это и в лягушку на три года превратил. Вот как раз завтра срок тот истекал, закончилось бы отцовское проклятье, стала бы жена твоя снова девицей красной. А ты поспешил, колдовство нарушил.

— Как же мне теперь быть? Научи, добрый человек! Скажи, куда идти?

— Вот тебе, добрый молодец, клубочек. Куда он покатится, туда за ним и ступай.

Поблагодари Иван-царевич старичка, кинул клубочек и пошёл, куда он катится. Вдруг видит – бредёт по лесной чаще медведь.

— Дай-ка, – думает царевич, – подстрелю я зверя. Будет мне обед да шкура.

А медведь вдруг как заревёт человеческим голосом:

— Не убивай меня, добрый молодец, я тебе ещё пригожусь!

Пожалел Иван-царевич медведя, дальше за клубочком пошёл. Глядь, а над ним сокол кружит. Прицелился царский сын из лука, только выстрелить хотел, как взмолился сокол человеческим голосом:

— Не убивай меня, добрый молодец, я тебе ещё пригожусь!

Пожалел Иван-царевич птицу, дальше за клубочком пошёл. Видит: заяц навстречу ему бежит. Только прицелился, а косой ему и говорит:

— Не убивай меня, добрый молодец, я тебе ещё пригожусь!

Пожалел Иван-царевич и зайца, дальше за клубочком пошёл. Добрался он до синего моря. Видит: лежит на берегу щука, без воды помирает, рот разевает, а ничего не слышно. Наклонился к ней царский сын и услышал, как рыба человеческим голосом шепчет:

— Сжался надо мной, добрый молодец, пусти меня в море!

Бросил Иван-царевич щуку в воду, а сам дальше за клубочком пошёл. Долго ли брёл, коротко ли, пока не увидел на окраине леса избушку на курьих ножках. Подошёл к ней царский сын да как закричит:

— Избушка-избушка, встань по-старому, как мать поставила: ко мне передом, а к лесу задом!

Повернулась избушка, как Иван-царевич велел, вошёл в неё добрый молодец, видит: лежит на печи Баба-яга, костяная нога.

— Зачем, гость незванный, ко мне пожаловал? – спрашивает старуха.

— Ты, бабушка, сначала накорми меня, напои, баньку натопи, а потом уж расспрашивай, – отвечает Иван-царевич.

Так Баба-яга и сделала: накормила гостя, напоила, баньку натопила. Рассказал ей тогда добрый молодец про своё горе. Выслушала старуха царского сына и говорит:

— Знаю я твою жену! Ох, уж она умница да красавица! Только попала она в царство к Кощею Бессмертному, мается теперь, бедняжка, в его замке. Отправляйся туда да освободи Василису Прекрасную! Только нелегко тебе будет злодея одолеть: смерть его на конце иглы, игла та в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, а сундук на высоком дубе висит. Дерево то Кощей Бессмертный пуще глаза своего бережёт!

Показала Баба-яга Ивану-царевичу дорогу к дубу да велела идти поскорее, не то поздно будет. Отправился добрый молодец в дорогу. Долго ли шёл, коротко ли, пока отыскал то дерево. Стоит он под ним и думает, как же ему сундук достать. Вдруг выходит из лесной чащи медведь. Обхватил косолапый дуб лапами своими сильными да выворотил его из земли прямо с корнем. Упал сундук с дерева и открылся. Выскочил из него заяц косой да во всю прыть бежать пустился. Тут откуда ни возьмись, другой заяц появился, в которого Иван-царевич стрелять не стал. Догнал он косого и давай трепать! Вылетела из зайца утка, поднялась высоко-высоко над морской гладью. Только хотела за морями-океанами скрыться, как налетел на неё сокол. Выронила утка яйцо, упало оно в пучину морскую. Увидел это царский сын, залился горькими слезами: не знает, как яйцо со дна моря достать. Вдруг подплывает к берегу щука, которую он от смерти спас, а в зубах у неё – яйцо, где Кощеева смерть спрятана. Разбил его Иван-царевич, достал иглу, отломил кончик, тут смерть Кощею и настала. А добрый молодец отправился в замок, освободил жену свою, и вернулись они в родное царство. Стали Иван-царевич с Василисой Прекрасной жить-поживать да добра наживать.